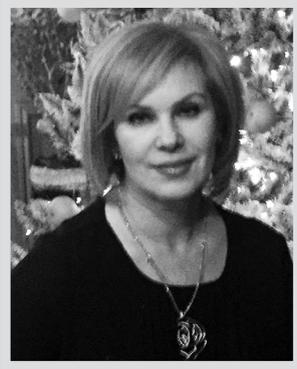


УДК 343.237

Отграничение исполнителя от организатора преступления**Украинчик А.В.**

Судья в отставке, старший преподаватель кафедры уголовного и международного права Пятигорского государственного университета

Актуальной проблемой современной науки и практики является надлежущая дифференциация видов соучастников преступления, в том числе организаторов и исполнителей преступления. Нормативные предписания ст. 33 УК РФ нуждаются в дополнительном теоретическом анализе на предмет установления четких критериев разграничения действий этих соучастников. При этом наибольшие сложности в практике правоприменения вызывает вопрос поиска отличий исполнителя преступления от лица, которое руководит исполнением преступления и которое согласно закону признается таким образом организатором. На основе исследования материалов судебной практики и обобщения литературных источников по теме в статье доказываем необходимость пересмотра существующей редакции ч. 3 ст. 33 УК РФ и расширения понятия исполнителя за счет включения в объем его действия осуществления непосредственного руководства исполнением преступления во время и на месте совершения исполнителем своего деяния.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, дифференциация видов соучастников, организатор преступления, исполнитель преступления, квалификация преступления.

Реализация принципа законности в уголовно-правовом институте соучастия с необходимостью предполагает, среди прочего, точность юридической квалификации действий каждого из соучастников преступления. Такая квалификация имеет как бы два аспекта: предметный, связанный с юридической оценкой того преступления, которое совершили соучастники, и функциональный, связанный с установлением роли того или иного лица при совершении этого преступления. В рамках последующего изложения внимание будет уделено именно второму из них, причем предметно ограничим его вопросами отграничения исполнительских действий от действий организатора преступления. Такой ракурс анализа позволит дать надлежащее толкование и содержательно наполнить известную законодательную формулу о том, что «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления» (ч. 1 ст. 34 УК РФ).

Исходя из нормативной дефиниции организатора преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ), при анализе во-

проса об отграничении исполнителя от организатора надо решить две задачи: 1) отличить исполнителя от лица, организовавшего совершение преступления или руководившего его исполнением; 2) отличить его от лица, создавшего организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившего ими, причем в зависимости от того, криминализованы ли такие действия на уровне отдельной статьи закона как самостоятельное преступление.

В первом случае надо обратить внимание на используемые законодателем словесные конструкции. Организатор «организует преступление», но «руководит его исполнением». Это, как представляется, принципиально различные виды действий. Организация преступления достаточно далеко стоит от исполнения и, как правило, ее понимание не вызывает сложностей в науке и на практике. Специалисты верно пишут, что организация преступления включает в себя инициирование преступления, объединение усилий соучастников, планирование преступных действий соучастников, подыскание объекта

преступного нападения, материально-техническое обеспечение преступления и т.д. [1, с. 21; 2, с. 77]. Главное, что организация совершения преступления хронологически и содержательно предшествует исполнению преступления.

В отличие от этого, руководство исполнением преступления предполагает активность организатора непосредственно в тот момент, когда исполнитель выполняет объективную сторону преступления. Оно может состоять в определении содержания и последовательности действия, отдаче команд и распоряжений, консультировании, контроле и т.д. Важно, что такие действия осуществляются на этапе, когда уже исполнитель преступления приступил к совершению действий, образующих объективную сторону преступления (то есть на этапе покушения или оконченного преступления). Руководство исполнителем на этапе приготовления к преступлению не укладывается в границы «руководства исполнением» и должно трактоваться как организация совершения преступления.

Такое руководство исполнением преступления – весьма специфический вид деятельности. Ряд специалистов считает необходимым отнести его к проявлениям исполнительских функций. В частности, Н.А. Бабий пишет: «Сбор информации, ее анализ, принятие решений и выдача команд исполнительным органам системы, как процесс управления деятельностью участвующих в процессе выполнения объективной стороны состава преступления лицами или руководство ими, являются неотъемлемой составляющей частью самого процесса исполнения преступления» [3, с. 205]. Аналогичным образом, по мнению В.А. Владимирова, лицо, которое распоряжается действиями других соучастников на месте преступления и в момент его совершения, является исполнителем [4, с. 45].

В таких суждениях нельзя не видеть влияния известной теоретической концепции «господства над деянием», разработанной немецкой правовой доктриной, согласно которой при отсутствии факта собственноручного выполнения деяния лицо может считаться исполнителем, если оно сохраняет психическое господство над исполнением. Однако эта доктрина, как известно, не укладывается в границы объективного взгляда на исполнителя. Учитывая это, М.И. Ковалев, активно критикуя западные концепции, тем не менее все же полагал, что «было бы неверным выделять организатора преступления из числа прочих соучастников, коль скоро он не принимал участия в непосредственном исполнении состава преступления». Автор исходил из двух основных посылок: во-первых, фигура организатора выделяется, исходя не из характера, а степени участия лица в преступлении (в связи с чем организатор мог выполнять абсолютно любые функции); во-вторых, при руководстве исполнением преступления ор-

ганизатор выступает в качестве посредственного причинителя, несмотря на то, что фактический исполнитель способен нести уголовную ответственность за содеянное. Настаивая на том, что действия организаторов должны квалифицироваться как исполнительские, он писал, что в таком случае «не происходит расширения ответственности за рамки состава преступления, и организация преступления не определяется как исполнение преступления в силу финального акта, но наблюдается своеобразный переход из количества в качество. Преступная активность субъекта перерастает в новое качество, в действия исполнения преступления» [5, с. 132-133].

Как видим, при разных аргументах специалисты склонны к тому, чтобы признать лицо, осуществляющее руководство исполнением преступления (причем не только непосредственно на месте совершения преступления, но и на расстоянии, например, посредством телефонной или иной связи), именно исполнителем, а не организатором.

Современная судебная практика отчасти поддерживает такой подход, что можно проиллюстрировать опытом квалификации преступлений, связанных с пересылкой наркотических средств или психотропных веществ. Как известно, суды испытывали существенные затруднения в квалификации поведения лиц, которые, непосредственно не выполняя действий по пересылке наркотических средств, осуществляли заказ почтовых отправок, содержащих такие средства, и получали эти отправления. В ряде случаев такое поведение оценивалось как организация незаконной пересылки (и/или организация контрабанды). Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 12 от 27.04.2017 г. «О судебной практике по делам о контрабанде» разъяснил, что получатель международного почтового отправления, содержащего предметы контрабанды, если он, в частности, приискал, осуществил заказ, оплатил, предоставил свои персональные данные, адрес, предусмотрел способы получения и (или) сокрытия заказанного товара, подлежит ответственности как исполнитель контрабанды (п. 15) [6]. Исходя из этого, вопрос о том, как квалифицировать действия лица, осуществляющего заказ отправления наркотического средства, стал решаться вполне определенно: эти лица признаются исполнителями преступления, исполнителями незаконной пересылки наркотических средств, а в случае международного почтового (или иного) отправления – еще и исполнителями контрабанды (см. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.07.2018 г. по делу № 60-АПУ 18-2 СП).

Еще одним подтверждением можно назвать практику квалификации некоторых ситуаций совершения коррупционных преступлений. Так, согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 г. «О судебной практике по

делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» исполнителем получения взятки, сопряженного с ее вымогательством, признается должностное лицо и в том случае, когда само вымогательство с согласия или по указанию должностного лица осуществлялось другим лицом, не являющимся получателем взятки (действия последнего при наличии оснований должны оцениваться как посредничество во взяточничестве). В п. 28 этого же постановления также закреплено: «Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившее подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать взятку должностному лицу, несет ответственность по ст. 291 УК РФ за дачу взятки, а работник, выполнивший его поручение, – при наличии оснований, по ст. 291¹ УК РФ за посредничество во взяточничестве. Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившие подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, незаконное вознаграждение, несет ответственность по ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ, а работник, выполнивший его поручение, – по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ» [7].

В теоретическом аспекте все отмеченные ситуации можно интерпретировать так, что лицо, инициировавшее преступление в своих интересах и осуществлявшее руководство его непосредственным исполнением, признается, с позиции высшей судебной инстанции, исполнителем, а не организатором преступления. Вместе с тем нельзя не обратить внимание, что близкие в содержательном отношении действия при совершении иных преступлений не квалифицируются в судебной практике как исполнительские.

Типичный пример – дело С. Согласно приговору суда, С. организовал совершение незаконного приобретения и хранения без цели сбыта наркотических средств в крупном размере и руководил исполнением этого преступления. Именно он в ходе телефонных переговоров предложил О. приобрести под его руководством без цели сбыта, для личного потребления наркотические средства, хранить их при себе и в их жилище для того, чтобы совместно их употребить в течение нескольких дней в помещении колонии на длительном свидании, где С. отбывал наказание. Используя мобильный телефон, С. осуществил выход в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», где в переписке с неустановленным лицом договорился о приобретении наркотического вещества. Затем, обеспечивая достижение единой преступной цели и создавая усло-

вия для осуществления противоправного деяния, С. сообщил неустановленному лицу, какое количество наркотических средств необходимо приобрести, узнал их стоимость и местонахождение, после чего посредством телефонной мобильной связи довел полученную им информацию до сведения О., стал направлять ее действия и руководить ими. Действуя согласно замыслу С., О. после получения указаний приступила к непосредственному выполнению под руководством С. объективной стороны преступления: действуя во исполнение разработанного С. плана, произвела оплату приобретаемых наркотических веществ; постоянно поддерживая телефонную связь с С. и получая от него sms-сообщения, незаконно приобрела у неустановленных лиц наркотическое вещество и, следуя полученным посредством сотовой связи указаниям С., стала хранить без цели сбыта при себе и по месту своего проживания, а впоследствии во исполнение полученных ею посредством мобильной связи указаний С. о доставке этого вещества в исправительную колонию выехала по соответствующему адресу колонии и стала оформлять документы по предоставлению ей длительного свидания с осужденным С., когда и была задержана [см.: 8].

Как видим, непосредственная заинтересованность (субъективный фактор), психическое господство над деянием и непосредственное во время совершения преступления руководство поведением физического исполнителя не привели в данном случае к квалификации действий С. в качестве исполнительских.

Можно констатировать, что в оценке действий, связанных с руководством исполнением преступления, судебная практика и наука демонстрируют весьма противоречивые подходы. И хотя закон предельно четко позиционирует такие действия, как организаторские, отчетливо видно стремление расширить за их счет границы исполнительства.

Представляется, что стремление признать исполнителями преступления лиц, которые, не выполняя физически деяний, составляющих объективную сторону состава, руководят телодвижениями исполнителя, следует приветствовать. Любое действие (и преступление – не исключение) имеет сугубо физическую и интеллектуальную составляющую. В некоторых случаях разделить их практически невозможно, например, при составлении вредоносных программ, изготовлении подложных документов, даче ложных показаний, вынесении неправосудного приговора и т.д. Интеллектуальная работа (а именно так мы понимаем действия, связанные с руководством исполнением преступления), не важно, выполняется она непосредственно на месте совершения преступления или же удаленно, представляет собой разновидность участия лица в непосредственном совершении преступления. И именно так в одной

из вариаций законодатель определяет исполнителя преступления. Единственное принципиальное уточнение, о котором надо напомнить, состоит в том, что действия иных лиц, претендующие на исполнительские, в частности, рассматриваемые действия организатора, являются в известной степени зависимыми от действий фактического (физического) исполнителя, в силу общей акцессорной природы соучастия. Они могут признаваться исполнительскими при условии, что физический исполнитель непосредственно приступил к исполнению объективной стороны преступления, то есть они осуществляют, начиная с этапа покушения на преступление.

С учетом сказанного, полагаем, что формула ч. 3 ст. 33 УК РФ нуждается в корректировке с тем, чтобы исключить возможность признания организаторами лиц, которые осуществляют руководство исполнением преступления.

Второй тип организаторов, как было указано, – это лица, которые создали или руководят организованной группой. Это весьма неоднородная в квалификационном отношении группа лиц. В случае, когда создание организованной группы (или преступного сообщества) предусмотрено в качестве самостоятельного преступления, организационные действия описываются законодателем в диспозиции статьи Особенной части УК РФ в качестве исполнительских. Волей законодателя организаторы трансформируются в «ординарных» исполнителей. К этой категории организаторов примыкают также лица, которые организуют группы, создаваемые для целей совершения непроступных, но опасных и аморальных действий, а также организаторы деятельности иных субъектов, носящей преступный либо деструктивный для общества характер (например, в случаях организации занятия проституцией, организации притонов для потребления наркотических средств и т.п.) [9]. Оценка такого рода организационных действий не создает проблем в части отграничения их от собственно исполнительских, поскольку сама организация и есть исполнение. Единственная сложность – отграничить здесь организацию группы от участия в группе и организацию деятельности от активного участия в деятельности. Однако эти проблемы не имеют прямого отношения к теме нашей публикации и потому остаются за пределами анализа.

Сложнее ситуации, когда возникает необходимость квалификации действий организаторов организованных преступных групп по совокупности не только за сам факт создания группы и руководства ею, но еще и за все преступления, которые эта группа совершила. Не оспаривая самой идеи и господствующей практики применения в данном случае института совокупности преступлений, поставим под сомнение практику признания таких организаторов исполнителями. Не повторяя известных аргументов на сей счет, добавим еще некоторые.

В качестве одного из аргументов признания организаторов организованных групп исполнителями преступлений, которая эта группа совершает, в науке было (М.И. Ковалев) высказано суждение о том, что квалификация их действий как организаторских «занижает» оценку общественной опасности содеянного. Однако с этим сложно согласиться. Законодатель не устанавливает нормативной градации степени опасности соучастников, не определены и лимитированные параметры их уголовного наказания. А при квалификации полагаем, надо ориентироваться не на степень опасности действий того или иного соучастника (это обстоятельство учитывается при назначении наказания), а на содержание его действий.

Содержание действий при этом должно быть предельно четко зафиксировано, описано и соотносено с текстом диспозиции уголовно-правовой нормы. Полагаем в этой связи, что вполне обоснованно перед Конституционным Судом РФ был поставлен вопрос об оценке конституционности ст. 35 УК РФ, которая, по мнению заявителя Е.А. Клевцова, не соответствует ст.ст. 49 и 123 Конституции РФ, поскольку вследствие отсутствия в ней четкой характеристики, описания состава и структуры организованной группы позволяет квалифицировать совершение преступления в составе такой группы лиц без указания конкретных действий (бездействия) лица [10]. Не оценивая решения вопроса по существу, заметим, что вопрос в принципе поставлен верно. Существующая практика исходит из того, что фактически любое действие участника (и тем более организатора) организованной группы в составе этой организованной группы следует признавать исполнением преступления. А это, на наш взгляд, не вполне соответствует предписаниям ст. 8 УК РФ, согласно которой основанием уголовной ответственности конкретного лица являются те или иные конкретные действия (бездействие), совершенные им; а равно положениям ч. 1 ст. 34 УК РФ о том, что ответственность соучастников определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Таким образом, можно резюмировать, что фикция признания организаторов организованных преступных групп исполнителями совершенных в составе группы преступлений не основана на уголовном законе и нуждается в изъятии из современной доктрины и практики правоприменения. Оценка действий таких организаторов может быть дифференцирована иными способами, в том числе посредством самостоятельной криминализации действий, связанных с созданием и руководством любой организованной группой, необходимость которой уже была аргументирована в науке [11].

Литература:

1. Клименко Ю.А. Организатор в преступлении: понятие, виды, уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 30 с.
2. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. – М.: РГУП, 2017. – 15 с.
3. Бабий Н.А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 741 с.
4. Владимиров В.А. Преступление совершено соучастниками. – М.: Юрид. лит., 1961. – 87 с.
5. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности / Под ред. М.А. Ефимова. – Свердловск: [Б. и.], 1962. – 275 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 27.04.2017 г. «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 6.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
8. Шекнинский районный суд (Вологодская область). Дело № 1-90/2017. Приговор от 12.10.2017 г. – URL: <http://sudact.ru>.
9. Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 192 с.
10. Определение Конституционного Суда РФ № 907-О от 24.04.2018 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клевцова Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 35 Уголовного кодекса Российской Федерации». – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision332297.pdf>.
11. Кисин А.В. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 194 с.

Differentiation of the Perpetrator from the Organizer of the Crime

A.V. Ukrainchik
Pyatigorsk State University

An urgent problem of modern science and practice is proper differentiation of the types of accomplices, including the organizers and perpetrators of the crime. The regulatory requirements of article 33 of the Criminal code require additional theoretical analysis in order to establish clear criteria for distinguishing the actions of these parties. At the same time, the greatest difficulty in the practice of law enforcement is connected with finding differences between the perpetrator of the crime and the person, who directs commission of the crime and who, according to the law, is recognized as the organizer. Based on the study of jurisprudence and generalization of literary sources on the subject, the article proves the necessity of the revision of the existing edition of part 3 of article 33 of the Criminal code and the extension of the concept of the perpetrator due to the inclusion of direct management of the crime execution at the time and place of its commission in the scope of his actions.

Key words: complicity in the crime; the differentiation of types of accomplices; the organizer of the crime; the perpetrator; classification of the crime.

